

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК 101.1; 101.8; 167; 168

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-1

Михайлов И. А. | Редукция как феноменологический и общенаучный принцип

Институт философии Российской академии наук,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация;
ia.mikhaylov@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются принципы и основания феноменологии, а также ее научная методология на материале центральных понятий трансцендентальной феноменологии – «эпохэ» и «редукция». Несмотря на то, что редукцию Гуссерль считал «самой сутью» феноменологии, понятия не только не стали, но и не могли стать объединяющими идеями в феноменологическом сообществе начала XX в. Показаны причины этого хорошо известного факта. Основные причины сводятся к следующим: 1) неблагоприятной для популяризации феноменологических идей оказывается сама синонимия обоих понятий, используемых для обозначения одного метода, при том, что «редукция» выступает в качестве общего, «рамочного» понятия; 2) каждое из понятий имеет свою богатую историю, которая, во-первых, входит в противоречие с желанием интерпретировать эти понятия исключительно в духе трансцендентальной феноменологии и служит источником постоянной путаницы в интерпретациях; во-вторых, в обоих понятиях заложено противоречие между ограничением, к которому они призывают, – и универсальностью общей теории науки, которой они должны послужить. Дана более подробная история понятий «эпохэ» и «редукция» с отсылками к идеям Цицерона, Р. Декарта, Н. Кузанского, а также к ранее не замеченным научным публикациям XVIII-XIX вв.

Ключевые слова: редукция; эпохэ; феноменология; Гуссерль, Декарт, скептицизм; сомнение; теория познания

Для цитирования: Михайлов, И. А. (2025), «Редукция как феноменологический и общенаучный принцип», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 5-16. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-1

I. A. Mikhailov | Reduction as a Phenomenological and General Scientific Principle

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; *ia.mikhaylov@gmail.com*

Abstract. The article examines the principles and foundations of phenomenology, as well as its scientific methodology, on the basis of the central concepts of transcendental phenomenology, epoché and reduction. Despite Husserl's view that reduction was 'the very essence' of phenomenology, these concepts did not become unifying ideas within

the phenomenological community of the early twentieth century – in fact, they could not. The reasons for this well-known fact are identified and analyzed. The main reasons can be summarized as follows: (1) the very synonymy of the two terms used to designate a single method proves unfavorable for the dissemination of phenomenological ideas, given that “reduction” functions as the more general, “framework” concept; (2) each of the terms has its own rich history which, first, comes into conflict with the desire to interpret these concepts exclusively in the spirit of transcendental phenomenology and serves as a source of constant confusion in their interpretation; second, both notions contain an internal tension between the restriction they call for and the universality of the general theory of science they are meant to serve. A more detailed history of the concepts of epoché and reduction is provided, with references to the ideas of Cicero, René Descartes, and Nicholas of Cusa, as well as to previously overlooked scholarly publications of the eighteenth and nineteenth centuries.

Key words: Reduction; Epoche; Phenomenology; Husserl; Descartes; skepticism; doubt; Theory of cognition

For citation: Mikhailov, I. A. (2025), “Reduction as a Phenomenological and General Scientific Principle”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 5-16, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-1

Введение

В современной литературе, посвященной феноменологии Эдмунда Гуссерля и феноменологическому движению в целом, есть понятие, привлекающее к себе наибольшее внимание, когда речь заходит об определении основ феноменологии. Гуссерль считал его воплощением феноменологического метода и едва ли не «воротами в философию». Неспособность постичь суть этого метода была для Гуссерля признаком отсутствия философской квалификации (способности к философии). Метод обозначается термином «редукция». Гуссерль начинает пропагандировать его далеко не сразу – его появление и обоснование связано с достаточно существенным изменением философской программы Гуссерля, обыкновенно обозначаемым как переход от «дескриптивной» к «трансцендентальной» феноменологии. (К различению «дескриптивного» и «трансцендентального» этапов обыкновенно добавляют указание на наиболее известные произведения обоих периодов: «дескриптивный этап “Логических исследований”» и «трансцендентальный этап “Идей к чистой феноменологии”».) Поскольку наличие этого метода задействовано в различении двух этапов развития великого философа, исследователи стали задавать совершенно естественные вопросы. Действительно ли редукция появляется у Гуссерля лишь с переходом к трансцендентальному этапу (то есть в 1913 г. – в опубликованном виде, а впервые в лекциях – в 1907 г.)? К какому проблемному комплексу в трудах Гуссерля принадлежит редукция? Чем была обусловлена необходимость этой методической процедуры? Ответ на первый вопрос дать проще всего. Зародыш идеи редукции исследователи обнаруживают уже в «Логических исследованиях»; употребляется там и само слово. Нетрудно дать ответ и на второй вопрос. Редукция связана с проблематикой очищения и, соответственно, с древними идеалами «чистоты» как идеала познавательной деятельности. Ответ на третий вопрос значительно более сложен. Нетрудно указать резоны использовать редукцию как основной философский метод для самого Гуссерля, для той философии, которую он развивает, начиная с 1907 г. Однако как быть, если *сам этот вариант* (ради которого редукция как раз и требуется) не является оптимальным? В сообществе философов

начала XX в., в разных смыслах говоривших о «феноменологии», идея редукции не стала объединяющим фактором. Это обстоятельство подтверждается различными исследованиями. Не послужив объединению, редукция, к сожалению, совершенно явно оказалась проблемой, *разъединяющей* феноменологов. Причем ответственность за это лежит отнюдь не на тех, кто будто бы «не сумел понять» гениальной идеи (это убеждение довольно распространено в гуссерлеведении). Как отмечает Шпигельберг, «первая великая феноменологическая схизма была вызвана трагическим недопониманием – прежде всего со стороны Гуссерля» (Spiegelberg, 1982: 28). Если, как того желал лидирующий представитель феноменологического движения, редукции следовало стать основой феноменологической философии, резонно было бы ожидать ясного, подробного и детального разъяснения этой процедуры. Однако этого не происходит. Даже лет 30 после смерти «автора» этой идеи приходится признать, что «гуссерлевская редукция – дело слишком непроясненное и проблематичное» (Spiegelberg, 1982: 28).

1. Очевидное и неочевидное в толковании редукции

В чем может быть причина сложившейся ситуации? Толкования Гуссерля отягощены несколькими существенными недостатками. Во-первых, они кратки в случаях, где необходима большая подробность (Husserl, 1976: 65—69 [§ 32–33]). Во-вторых, они порой необычайно подробны – но зачастую как раз там, где обсуждение от механизмов самой процедуры плавно и незаметно переходит в обсуждение общеполитических вопросов; причем это большей частью посмертно изданные тексты лекций или же наброски, фрагменты неопубликованных при жизни текстов, а также не озвученных на лекциях, в лучшем случае использованных в качестве материалов для таких лекций. В-третьих, Гуссерль постоянно перемежает обсуждение редукции в том смысле, который близок и важен ему самому, с редукцией, которую можно и даже следует понимать в общенаучном смысле – так он говорит, например, о «номиналистической редукции» Юмом всех идей к импрессиям (Husserl, 1956: 157–166), или о «психологической редукции» (Husserl, 1956: 267–270). Со стороны это выглядит как определенная небрежность, тем менее понятная, что хорошо известно умение Гуссерля проводить тонкие терминологические дистинкции и строго придерживаться этих различий на протяжении достаточно длительных цепочек мысли. Но если так, почему бы не пользоваться этим умением там, где речь идет о «процедуре», едва ли не воплощающей самую суть философского подхода? В-четвертых, наряду с термином «редукция» Гуссерль постоянно использует еще один термин с давней традицией: термин «эпохэ» (ἐποχή) (в отечественной литературе не менее употребительным является написание этого термина как «эпохе»). Термины не просто так выдуманы, «взяты из ниоткуда» – они имеют почтенную историю, которая нуждается в некотором освещении, не говоря уже о необходимости экспликации отношения между этими двумя понятиями. Знания об этой традиции у Гуссерля, похоже, отрывочны. Обыкновенно он ограничивается лишь указанием на то, что сам термин впервые появляется у стоиков. Впрочем, иногда создается впечатление, что и эти свои познания Гуссерль открывает слушателям не в полной мере, – как если бы ему казалось более важным выставить собственную версию как максимально оригинальную, от прежней традиции не зависящую. Вполне возможно, это диктуется уже необходимостью радикализировать конкретно ту самую версию методического скептицизма, которую будет развивать Гуссерль: если эпохэ как «контролируемый скептицизм» будет предполагать отказ от всех прошлых теорий, разновидность радикального сомнения, то не стоит слишком уж сильно акцентировать традиционность этой идеи (как призыва отказа от традиции). Гуссерль как будто даже рассчитывает, что традиционность поможет в принятии читателем (слушателем) обеих терминов. Однако принять их следует, конечно, не в традиционной, но именно в *его*, *гуссерлевской* трактовке. В-пятых, концепция «эпохэ / редукция» у Гуссерля на протяжении всего его творческого пути постоянно меняется, подвергается дополнительному разъяснению;

отсутствует какое-то «одно» толкование, однажды предложенное и остающееся неизменным во всех последующих работах.

Итак, ни в одной конкретной работе (статье, книге, лекционном курсе и т. п.) трактовку редукции нельзя считать исчерпывающей, а между тем, понимания «редукции» Гуссерль ожидает от своих учеников и коллег в каждый конкретный момент времени. Наконец, в-шестых, понимание трактовки Гуссерлем феноменологической редукции затрудняет еще и то, что наряду с ней, редукцией феноменологической, имеется также еще редукция иная – «эйдетическая». Феноменолог без нее обойтись не может, однако в самой эйдетической редукции *per se* нет ничего специфически феноменологического: по мысли Гуссерля, ее осуществляет любой вообще ученый (Husserl, 1976: 21, 24–25). В приватном общении Гуссерль может сокрушаться по поводу того, что его ключевая идея остается непонятой, однако искусство продвижения собственной философии заключается в том, что в *одном* кругу сожалеют о том, что не понято очевидное. В других же кругах не обязательно скрывать, что и *тебе самому* в этой идее не все и не всегда ясно. «Должен признаться, для меня самого прозрение в суть феноменологической редукции было делом трудным» (Husserl, 1959: 174). В итоге, феноменологическая редукция как таковая – понятна, но неубедительна. В том же случае, когда редукция и понятна, и убедительна (то есть признается философами в качестве необходимой), *она теряет свою «феноменологичность»*. Иначе говоря, в этом случае обнаруживается, что об этой идее в европейской философии говорили на протяжении веков, причем используя именно этот термин, *ἐποχή*. (Более подробно речь об этом пойдет далее). Что из этого следует для нашей темы? Поскольку идея «эпохэ» отнюдь не оригинальна, эта идея – ни сама по себе, ни в связке эпохэ / редукция – не производит особого впечатления на коллег Гуссерля. Наторп не видит в редукции и абсолютном сознании ничего принципиально нового, что выходило бы за пределы предложенного ранее в неокантианстве и, в частности, в его собственных работах (Natorp, 1918: 225).

Итак, в связи с гуссерлевской редукцией понятность и убедительность совместить не всегда просто. В дополнение к этому необходимо еще принять в расчет, что этот феноменологический «метод» никак нельзя объяснить и с точки зрения *мотивов* его использования. Один из параграфов рукописей Гуссерля 1910-1911 гг. (Husserl, 1973: § 21) совершенно недвусмысленно разъясняет: поскольку феноменологическое усмотрение имеет *абсолютный характер*, «феноменологии *нет* нужды *искусственно* приводить вообще *никаких* мотивов для исключения ею полаганий опыта» (Husserl, 1973: 156-157). У нее как феноменологии «*вообще нет* такого рода мотивов, – добавляет Гуссерль. – Они могут быть у феноменолога, но это – дело личное (Privatsache)» (Ibid.). Гуссерль выводит редукцию как принцип, как *метод* из той сферы, в которой какие-либо обоснования и оправдания вообще не требуются. Как-либо разъяснять, *почему*, с каким целями мы совершаем редукцию, что подвигает нас к применению этого метода – совершенно излишне. Конечно, один из смыслов, в котором редукция «не нуждается в мотивах», ясен. Гуссерль и сам указывает на это обстоятельство. «Мотивов нет» в первую очередь в том смысле, что ничто не является для феноменологии побудительным мотивом *извне*, – никакие требования и ожидания частных наук, никакие потребности практического рода. Если «наукоучение», «фундамент» научного знания желает стать непоколебимой основой всей системы наук, ему непозволительно заимствовать какие-либо принципы «со стороны». Это было показано еще Фихте и Гегелем. Но что это тогда значит? Похоже, Гуссерль пытается «вписать» эпохэ и редукцию как самое существо философской деятельности. Да, можно сказать, что редукция (как «отвлечение», «ограничение») точно так же не нуждается в обосновании через указание на какие-либо «мотивы», как не требуется нам и как-либо обосновывать, оправдывать возможность *рефлексии*. Возможность рефлексии принадлежит субъективности «по умолчанию», она основывается на творческой свободе духа. Однако в этом случае мы опять-таки разъясняем

возможность философии вообще, философии «как таковой», а не возможность феноменологической именно философии. Это значит, что мы наталкиваемся на все ту же проблему: редукция либо понятна (но тогда не оригинальна). Либо оригинальна – но тогда совершенно не обязательна. Гуссерль, как станет еще более ясно далее, постоянно балансирует между использованием традиционного и оригинальностью. Впрочем, это не единственные «ограничительные флажки», которых он из всех сил старается не коснуться.

2. Редукция и эпохэ: изначальная близость и синонимия

Мы уже отмечали: одна из сложностей заключается в том, что идея редукции двулика. Помимо термина «редукция», Гуссерль разъясняет его также и с помощью термина «эпохэ». Как трактуются понятия, входящие в ее состав? Как они соотносятся? Нам необходимо будет также иметь в виду следующие коварные вопросы: 1. *Что* следует из факта, что некоторая важнейшая в методологическом плане процедура уже присутствует «как слово» – но пока еще *не называется* методом? Быть может, в 1900–1901 гг. великий философ был настолько прозорлив, что сумел представить философской общественности совершенно оригинальное произведение, однако при этом все же недостаточно проницателен для осознания того, что использует слово, обозначающее философский метод необычайной важности? 2. Почему обозначение важнейшего для Гуссерля метода его философии с самого начала имеет эту странную терминологическую двойственность: не только как эпохэ, но *также еще и* как редукция? Для прояснения всех этих разнообразных вопросов начнем с понятия, которое, по всей видимости, должно иметь наиболее давнюю историю, – с понятия эпохэ. Как о редукции, так и об эпохэ, Гуссерль впервые начинает говорить в лекциях, известных под названием «Идея феноменологии» (1907). Мы замечаем, что редукция поначалу используется в паре с другим понятием – эпохэ – которое и впоследствии неизменно соседствует с редукцией. К 1913 г., времени публикации первой книги «Идей», Гуссерль эти два термина будет трактовать более дифференцированно. Впрочем, синонимия сохранится, а в более поздних текстах даже выйдет на новый уровень. Эту изначальную синонимию я считаю не терминологической незрелостью ранней гуссерлевской терминологии, но важной чертой, позволяющей лучше увидеть изначальные общенаучные основы предлагаемого Гуссерлем «метода».

Итак, что понимается под эпохэ-редукцией? В порядке методическом «эпохэ» – это *первое*, наиболее общее предварительное понятие, которое готовит нас к разъяснению феноменологии: *сперва* (2-я лекция) разъясняется идея эпохэ, *затем* (уже в 3-ей лекции) следует разъяснение феноменологической редукции. Самый общий контекст, в котором Гуссерль поначалу помещает свою феноменологию – это *критика познания*. Как она себя «учреждает», спрашивает Гуссерль. Критика познания должна понять, что заключено в смысле отношения к предметности, чем должно быть познание «в подлинном смысле» (Husserl, 1950: 29). И вот тут-то нам и становится необходимым новый термин – он должен обозначить *особенность* этой критики. Дело не только в том, чтобы мы *лишь начали* с критического рассмотрения познания – чтобы потом, к примеру, можно было бы перейти уже к позитивным, «конкретным» вопросам познания. Нет, критический подход должен также и *сохраниться* в качестве критического, т. е. необходимо продолжить ставить под вопрос всякий шаг познания, также и свой собственный». Эта критика, продолжает Гуссерль, не должна признавать значимость никакой данности, в том числе и той, которую она сама устанавливает. «Если ей нельзя предполагать ничего в качестве *предданного*, то она должна начаться не с какого-то [акта] познания, который она, не заметив, возьмет со стороны, но, скорее, с того, который она даст себе сама, положив [для себя] как первый» (Husserl, 1950: 29). Особенность этого нового подхода Гуссерль как раз и называет «эпохэ» (ἐποχή). Мы видим, что появление этого термина действительно представляется оправданным, ведь Гуссерль здесь пытается развить какое-то особо последовательное понимание критики.

Зафиксируем четыре различных принципиальных смысла, в которых Гуссерль начинает говорить об «эпохе». Нам предлагают понятие скепсиса, критики в новом, более принципиальном смысле: 1) критичность должна быть «постоянной» – она должна сопровождать критическую теорию познания на *всех* этапах; 2) эта критичность должна быть обращена также и на самое критическое рассмотрение познания. Последняя из цитат содержит сразу две идеи (в лекциях 1907 г. они пока не разделены): 3) ничто не должно приниматься в качестве «заранее данного»; 4) принципы и основания «нельзя взять со стороны» – настоящая философия может и должна обеспечить ими себя сама.

3. Эпоха в контексте общефилософских задач

Столь подробно мы рассматривали предварительные трактовки Гуссерлем одного из своих впоследствии центральных терминов, поскольку здесь наиболее заметны не только те идеалы, которые Гуссерль провозглашал в «Логических исследованиях», но вполне традиционные принципы классической метафизики. Гуссерль использует несколько другой язык, и поэтому, без дополнительных разъяснений, в качестве традиционного распознается пока лишь четвертый смысл, заключенный в идее эпохи: это вариации на тему изначальной философии («наукоучения»), которые мы встречали в немецком идеализме (Фихте, Шеллинг, Гегель), но которые, в свою очередь, восходят к философии Декарта (Гуссерль его, конечно, упоминает; ср.: (Husserl, 1950: 30 ff)). Уже к 1913 г. методология Гуссерля дифференцировалась настолько, что из полного смысла этого «начального “эпохи”» только третий смысл сохранился в качестве главного. Другие были конкретизированы в обновленном наборе принципов. Одним из таковых были столь любимые Гуссерлем размышления о философе как «вечном начинающем»: максима, призывающая быть готовым «начать заново», есть одна из вариаций требований к феноменологии быть постоянно критичной; она как раз и предполагает готовность в любое время «вынести за скобки» то, что будет опознано в качестве элемента не осмысленной традиции.

Продолжая «тривиализировать» феноменологию Гуссерля, мы развернем этот третий смысл так, чтобы заключенная в нем идея стала вполне узнаваемой. В конце той же второй лекции Гуссерль объясняет «теоретико-познавательный принцип» предлагаемого им подхода к познанию: «в любом теоретико-познавательном исследовании, о каком бы типе познания ни шла речь, необходимо осуществлять теоретико-познавательную редукцию, т. е. помечать любую задействованную трансценденцию индексом выключения (Ausschaltung), или знаком незначимости (Gleichgültigkeit), теоретико-познавательной ничтожности, знаком, говорящим: существование всех этих трансценденций, верю я в них, или нет, меня не касается, здесь не место об этом судить, [все] это остается вне игры» (Husserl, 1950: 39). Вот в этой формулировке мы распознаем одновременно и разъяснение «эпохи», и редукции, которая пока выступает для эпохи синонимом. Однако здесь намечен также и путь дальнейшей конкретизации редукции, которая в «Идеях» превратит ее в специфичное понятие. Действительно, помечать знаком «не важно», «не использовать», «оставлять вне игры», – все это как раз и означает: воздерживаться от суждений об этом, не принимать в качестве заранее данного. Именно это значение «эпохи» далее и станет основным: *эпоха как воздержание от суждений*: «Философское *ἐποχή*, к которому мы обращаемся, в отчетливой формулировке должно состоять в том, что мы будем совершенно воздерживаться от суждения относительно догматического содержания любой имеющейся философии, и все наши доказательства (Nachweisungen) будем осуществлять в рамках такого воздержания» (Husserl, 1976: 39–40 [§ 18]).

Это более позднее разъяснение из «Идей» уже дает нам форму, позволяющую распознать давний принцип философии. Нас не должно интересовать, какие ранее имелись теории. Не будем о них судить. Третье из Декартовых «Правил для руководства ума» как раз и призывало обращать внимание не на то, что «думают другие», но на наше собственное разумение. Мы

теперь можем не только увидеть в выдвигаемых Гуссерлем принципах давние идеалы философии, но и распознать структурную взаимосвязь между этими принципами. Сформулируем их в виде вопросов и кратких ответов на них. *Какова цель философии?* – Фундаментальная наука. *К чему стремится в своих положениях философия в соответствии с этой своей основной целью?* – К универсальности и изначальности своих положений. *Каков наиболее перспективный путь к таковой изначальности?* – Наука должна быть «беспредпосылочной» («не брать чужого»; принцип «эпохэ» закрепляет это в слове, имеющем запоминающееся, загадочно-древнее звучание). И еще она должна быть осторожной. Это значит, не следует начинать с теорий.

Эпохэ и «редукция», впервые выходящие на авансцену феноменологии в 1907 г., впоследствии используются в столь различных комбинациях и вариациях, что исследователи неизменно испытывают проблемы с толкованием их соотношения в феноменологии Гуссерля. Имеется несколько основных вариантов: а) эпохэ – предварительная ступень, необходимая для осуществления феноменологической редукции; б) эпохэ – составная часть феноменологической редукции как метода; 3) эпохэ и редукция – выражения синонимические, их нельзя разделить как последовательность этапов или считать независимыми друг от друга. В текстах Гуссерля можно найти достаточно подтверждений в пользу каждой из версий. Далее я предложу способ обойти стороной обсуждение этих вариантов. Для этого мы посмотрим, какие общефилософские принципы стоят за проблемами, обозначаемыми Гуссерлем терминами «эпохэ» и «редукция».

4. Исторические формы «эпохэ» и общенаучный смысл «редукции»

То, что термин «эпохэ» был впервые использован в традиции стоиков, факт общеизвестный, он упоминается едва ли не в каждой словарной статье, посвященной этому термину. А вот то, с какими другими великими идеями прошлого связан этот термин, не так очевидно. Это может стать более понятным, если обратить внимание на то, что «эпохэ» есть именно контролируемое, методически оформленное и мотивированное сомнение – иначе говоря, такое, которое ограничивает скептицизм, заставляет его быть не «всеобщим», но направленным, служащим вполне определенным научным задачам. Такой ограниченный, «канализированный», методический скептицизм имеет два великих прообраза. Значение одного из них для феноменологии – философии Рене Декарта – очевидно. Отметим, что в связи с «эпохэ» постоянно сохраняется некоторая неопределенность: с одной стороны, как будто указаны исторические прецеденты использования термина, однако с другой, он подается как специфически гуссерлевское понятие, им, *Гуссерлем* возведенное в ранг основополагающего методического принципа. Именно так разъясняют это понятие практически все современные словари и энциклопедии.

Однако проблема эпохэ (или: эпохэ как «метод») не изобретена, не открыта Гуссерлем. Он в лучшем случае популяризирует широкий круг разнообразных вопросов, который может обозначаться одним словом. В связи с термином «эпохэ» Гуссерль указывает на стоиков, а проблему отказа от предшествующих теорий он также увязывает с Декартом. Имеются ли другие прецеденты? На всем протяжении развития немецкой философии понятие эпохэ присутствует в философском дискурсе, хотя, конечно, явно не принадлежит к числу центральных важнейших философских категорий (Flatt, 1791: 169). К началу XIX в. *ἐποχή* как воздержание от суждения хорошо известно по переводам античных авторов, в частности Цицерона (Cicero, 1812: 487). В комментариях к переводам отмечают, что у Цицерона эпохэ и редукция могли использоваться в качестве взаимозаменяемых синонимов (Plutarch, 1798: 13). В других работах XVIII в. «эпохэ», хотя и не увязывается непосредственно с «редукцией», однако в качестве его эквивалента используется другой любопытный термин: *retentio* (Zinsmeister, 1781: X-XI). Конечно, эта античная *retentio* пока еще далека от ретенции феноменологической (у Гуссерля это понятие используется в анализе сознания времени).

Однако все эти понятия все же находятся в близкой смысловой связи. В упомянутом выше издании писем Цицерона *ἑλοχή* встречается в связке с еще одним латинским термином, обнаруживающим смыслы, близкие к редукции. В письме к Аттику Цицерон выражает неудовольствие в связи со словом *inhibere*, «удерживать» (причем также в значении, синонимичном к *retention*). Я полагал, разъясняет Цицерон, что «когда гребцам приказано остановиться, они перестают грести. Что это не так, я узнал, когда мой корабль причаливал к усадьбе. Они не прекращают грести, но гребут иначе – что совершенно отлично от *eroghe*» (Cicero, 1812: 487). В целом, в начале XIX в. *ἑλοχή* и *inhibition* воспринимаются как один и тот же термин, только в разных языках (Juliani, 1827: 164).

Сколь бы ни были далеки от современных значения, в которых использовали эти слова древние авторы, античную традицию нельзя отбрасывать совершенно, ведь и предложение Гуссерля отказаться от использования теорий можно понимать как *удержание* субъектом себя от таковых теорий. Смысловая близость имеется, однако это все-таки не может послужить достаточным основанием для более позднего использования Гуссерлем этих двух терминов как синонимичных. Поскольку уже со второй половины XIX в. эти две линии смыслов разделились. Эпохэ стало воплощать преимущественно только воздержание от суждения, а редукция превратилась в более универсальную, более общенаучную методику. В целом близко к современному пониманию эпохэ (как «воздержание от всякого суждения») упоминает этот термин Тенеманн (Tennemann, 1829: 199). Когда заходит речь о скептической философии в учебниках и общих обзорных изданиях, это понятие всегда по крайней мере упоминается (ср.: Eberhard, 1796: 183). В начале XIX в. встречаются, правда, и толкования, не получившие продолжения в дальнейшей традиции. Например, в работах Т. Круга эпохэ трактуется как «воздержание от *одобления* (*Beifalls*)» (Krug, 1833: 388; курсив мой. – И.М.); это толкование воспроизводится и во многих других работах автора (ср.: Krug, 1818: 272), а также других авторов того же времени (ср.: Suabedissen, 1805: 60–61).

Примечательность обоснования Гуссерлем «эпохэ» заключается в том, что как имевший прецедент *термин* он относит его к античности, а как *метод* – иллюстрирует на примере методологии Декарта. Если эпохэ мы согласимся считать термином, обозначающим принцип методического сомнения, пусть в текстах самого Декарта и не отсутствующий, то какие еще исторические прецеденты могут быть названы? Довольно неожиданно для современного читателя они могут быть найдены в самой идее «ученого незнания» Николая Кузанского. Конечно, здесь связь как с античной, так и с феноменологической традицией скептицизма значительно более отдаленная, однако в XVIII в. она еще распознается, причем, помимо Кузанского, указаны еще 16 авторов, писавших «об *ignorantia docta*» в (ср.: Schatz, 1741: 150–151).

* * *

Подобно тому как Гуссерль не обладает монополией на толкование эпохэ, не является исключительно феноменологическим понятием также и редукция. Помимо того, что «редукция» есть широко применяемый метод в современной математике, физике, в программировании (технологии хранения данных, моделирования ИИ и др.), обработке изображений и звуков (количество примеров можно умножить), редукция есть давняя и хорошо известная методологическая процедура также и в философских науках. По сути, именно в редукции как основном методе решения отвлеченных философских проблем состояла, начиная с середины XIX в., суть полемики позитивизма против «метафизики». В XX в. редукция – широко обсуждаемое понятие в различных версиях «физикализма», «натурализма», аналитической философии и общей философии науки. Для проблемы, обозначаемой этим понятием, особое значение имели дискуссии, инициированные Э. Нагелем (Nagel, 1935; Nagel, 1970), К. Поппером, а также целым рядом других философов и ученых (ср.: Schaffner, 1967; Schaffner, 2006; Sachse, 2007).

Заключение

Подведем некоторые итоги. Что было известно, и что нужно было в прояснении?

Известно было следующее. 1) Гуссерль начинает развивать свои трактовки феноменологической редукции в период, когда в его разноплановых исследованиях намечается возможность *радикализации* его исследовательской программы. 2) Хотя построение радикальной научной программы с самого начала было целью философских усилий Гуссерля, *конкретная форма* этой радикальной философии (в частности, в значительно большей степени опирающейся на анализ феноменов сознания, чем это можно было предсказать по обоим томам «Логических исследований») *не была* именно в этом виде запланирована Гуссерлем; неожиданна она была и для многих учеников и последователей Гуссерля. 3) Сам *факт* этой трансформации философской программы Гуссерля хорошо известен и описан в бесчисленных публикациях. Работы гуссерлеведов и вообще историков философии достаточно хорошо и подробно описывают: *что* в 1907–1910-х гг. стало темой исследований Гуссерля, *как* он сам объяснял необходимость этой трансформации.

Проблемы в связи с таким состоянием интерпретаций заключались прежде всего в следующем. 1) Принимая объяснение Гуссерлем этой трансформации за «последнее слово», за главное и основное толкование, авторы обыкновенно упускали вопросы более важные: *почему* такая трансформация была необходима? как она вытекала из логики *предыдущих исследований* Гуссерля? 2) Поскольку эти вопросы не были заданы, сам переход от «дескриптивной» к «трансцендентальной» феноменологии зачастую трактуется как «неспрогнозированный», «неожиданный». 3) Рассматривая феноменологическую философию под этим углом зрения – наличия некоей концепции «основателя» традиции, модификации которой затем следовало обнаружить у всех других «представителей» этой традиции – исследователи, как правило, не могли объяснить, что же, собственно, привлекало, что удерживало вместе специалистов различного научного и культурного уровня, крайне разнообразных тематических интересов и целей исследования.

Общеметодологическое решение в связи с таким состоянием интерпретаций и устоявшимися традиционными штампами заключалось в том, чтобы сменить ракурс рассмотрения. Не следует пытаться обнаружить модификации «одной» идеи или концепции у различных мыслителей (или даже у одного философа, считающегося основателем особого направления в философии). Значительно более продуктивно попробовать посмотреть на некоторые ключевые идеи философского направления с точки зрения общенаучных идеалов и норм научного исследования.

Благодаря этому новому подходу удалось установить следующее.

1). Соединение двух терминов, используемых Гуссерлем для обозначения «метода» своей философии («эпохэ» и «редукции») не является безусловно очевидным решением. Хотя в западноевропейской философии и могут быть найдены прецеденты использования этих двух слов в качестве синонимов, это *не является* общим правилом.

2). В общенаучной традиции XVIII–XIX вв. за «эпохэ» закрепился смысл методического скептицизма; тогда как «редукция» обозначала разнообразные операции сведения, упрощения, применяемые в научном исследовании.

3). Гуссерль *не является* новатором в использовании ни одного, ни другого термина.

4). И по сей день о «редукции» как важной общенаучной процедуре говорится в значительном количестве научных исследований.

5). Само использование Гуссерлем *двух терминов* для обозначения того, что он считает важнейшим «методом», сутью феноменологии, *не является случайным*: 5.1 поскольку его цели заключаются в создании нового основоположения для философии, а также всех вообще научных дисциплин, ему необходимо задействовать *все* понятия, которые работали бы на его идею универсальной науки; 5.2 по этой же причине в публикациях, лекциях и черновых

набросках Гуссерлю свойственно скорее использовать эти два термина в качестве синонимов; он часто сплавляет их в одно выражение («феноменологическое эпохэ» и т. п.), нежели их терминологически разводить.

6). С обозначенными выше общими задачами феноменологии Гуссерля, а также с особенностями решения им этой общей задачи связаны также и некоторые *затруднения*, сохраняющиеся в трансцендентальной феноменологии в связи с редукцией. Эти «затруднения» имеют форму непоследовательности, противоречивости, парадоксальности или, иногда, внешней нелогичности гуссерлевских формулировок, а также рекомендаций в связи с пониманием смысла предлагаемой им трансцендентальной феноменологии. 6.1 Первое затруднение заключается в том, что Гуссерль использует всецело традиционные понятия – но при этом неизменно настаивает на том, чтобы они отныне трактовались *в его, гуссерлевском смысле*. Это затруднение несет свою долю ответственности за непонимание Гуссерля его современниками. 6.2 Традиционные понятия философии Гуссерль использует не просто для какой-то модификации *одной из* философских систем прошлого, но для утверждения довольно радикальной версии трансцендентальной философии; безоговорочно принять эту версию не готовы даже те, кто (как Наторп или Риккерт) сами являются сторонниками трансцендентализма. 6.3 Некоторые трудности вытекают из рассогласованности понятий и задач, для решения которых они применяются. 6.3.1 «Эпохэ» – понятие, заимствованное из философской традиции, заметная доля его легитимации как философской категории коренится как раз в его опоре на то, что нечто «имело место ранее». Эпохэ как исторический прецедент, подкрепленный авторитетом великих философов прошлого, имеет для Гуссерля необычайно важное значение. Значительная часть его текстов и выступлений потому и построена с неперменной отсылкой к Декарту: «Парижские доклады», «Картезианские медитации», «Кризис европейских наук» и многие другие. 6.3.2 Эпохэ и редукция как ограничение, отсечение («вынесение за скобки» и т. п.) используется для философии, которая имеет цель *прямо противоположную* какому-либо ограничению. Феноменология, наоборот, должна охватить «все», «весь мир», она должна стать универсальным, всеохватывающим наукоучением.

Литература References

- Cicero, M. T. (1812), *Sämmtliche Briefe* [All Letters], übers. u. erl. Wieland, V. Chr. M., bey Heinrich Gessner, Zürich (in German).
- Eberhard, J. A. (1796), *Allgemeine Geschichte der Philosophie zum Gebrauch akademischer Vorlesungen* [General History of Philosophy for the Use of Academic Lectures] Halle (in German).
- Flatt, J. F. (1791), *Actenmäßige Nachrichten von der neuesten philosophischen Synode, und von der auf derselben abgefaßten allgemeingültigen Concordienformel für die philosophischen Gemeinden* [Official reports from the latest philosophical synod, and from the universally valid formula of concord for the philosophical communities formulated therein], Frankfurt; Leipzig (in German).
- Fülleborn, G. G. (1792), *Beyträge zur Geschichte der Philosophie. Zweites Stück* [Contributions to the History of Philosophy. Part Two], in der Frommannischen Buchhandlung, Jena (in German).
- Husserl, E. (1950), *Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke, Bd. II: Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen* [Husserliana. Edmund Husserl Collected Works, Vol. II: The Idea of Phenomenology. Five Lectures], Hg. v. W. Biemel, Nijhoff, Den Haag (in German).
- Husserl, E. (1976), *Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke, Bd. III/1.: Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. 1. Halbband. Text der 1.--3. Auflage* [Husserliana. Edmund Husserl Collected Works, Vol. III/1: Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book One: General Introduction to Pure Phenomenology. Part 1. Text of the 1st–3rd editions], Kluwer, Dordrecht (in German).
- Husserl, E. (1956), *Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke. Bd. VII: Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil: Kritische Ideengeschichte* [Husserliana. Edmund Husserl Collected Works. Vol. VII:

First Philosophy (1923/24). Part One: Critical History of Ideas], Hrsg. von Rudolf Boehm, Nijhoff, Den Haag (in German).

Husserl, E. (1959), *Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke. Bd. VIII: Erste Philosophie (1923/24). Zweiter Teil. Theorie der phänomenologischen Reduktion* [Husserliana. Edmund Husserl Collected Works. Vol. VIII: First Philosophy (1923/24). Part Two. Theory of Phenomenological Reduction], Nijhoff, Den Haag (in German).

Husserl, E. (1973), *Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke. Bd. XIII: Zur Phänomenologie der Intersubjektivität, Texte aus dem Nachlaß. Erster Teil: 1905–1920* [Husserliana. Edmund Husserl Collected Works. Vol. XIII: On the Phenomenology of Intersubjectivity, Texts from the Literary Estate. Part One: 1905–1920], Hg. v. I. Kern, Nijhoff, Den Haag (in German).

Krug W. T. (1818), *Fundamentalphilosophie* [Fundamental philosophy], Im Verlage der Franz Härter'schen Buchhandlung, Wien (in German).

Krug W. T. (1833), *Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften, nebst ihrer Literatur und Geschichte nach dem heutigen Standpunkte der Wissenschaft* [General Dictionary of the Philosophical Sciences, together with their Literature and History from the Current Standpoint of Science], Brockhaus, Leipzig, Bd. 3: N—Sp. (in German).

Müller von, (1839), *Briefe an Johann von Müller (Supplement zu dessen sämtlichen Werken)* [Letters to Johann von Müller (Supplement to his complete works)], Hrsg. v. Fr. Hurter, Hurtersche Buchhandlung, Schaffhausen. Bd. 1 (in German).

Nagel, E. (1935), “The Logic of Reduction in the Sciences”, *Erkenntnis*, 5, 46–52.

Nagel, E. (1970), “Issues in the Logic of Reductive Explanations”, *Mind, Science, and History*, SUNY Press, Albany, NY, 117–137.

Natorp, P. (1917—18) “Husserls ‚Ideen zu einer reinen Phänomenologie‘”, *Logos: Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*, 7, 224–246 (in German).

Plutarch (1798), *Plutarch moralische Abhandlungen* [Plutarch's Moral Treatises], Aus dem Griechischen übers. v. Joh Friede, Sal. Kaltwasser, Sammlung der neuesten Uebersetzungne der griechischen prosaischen Schriftsteller, Dritten Teils Achter Band, Plutarch Schriften, Achter Band, enthält dessen moralische Abhandlungen. Achter Band. bei Johann Christian Hermann, Frankfurt a.M. (in German).

Sachse, C. (2007), *Reductionism in the philosophy of science*, Ontos-Verlag, Frankfurt a.M.

Schaffner, K. (1967), “Approaches to Reduction”, *Philosophy of Science*, 34, 137–147.

Schaffner, K. (2006), “Reduction: the Cheshire Cat aProblem and a Return to Roots”, *Synthese*, 151, 377–402.

Schatz, J. J. (1741), *Acta scholastica worinnen nebst einem gründlichen Auszuge derer auserlesensten Programmatum der gegenwärtige Zustand derer berühmtesten Schulen u. der dahin gehörigen Gelehrsamkeit entdeckt wird* [Acta scholastica in which, in addition to a thorough extract of their most select programs, the present state of their most renowned schools and the associated scholarship is discovered], Leipzig; Eisenach (in German).

Spiegelberg, H. (1982), “Epoché und Reduktion bei Pfänder und Husserl”, *Pfänder-Studien*, Martinus Nijhoff, The Hague, 3–34 (in German).

Tennemann, W. G. (1829), *Grundriss der Geschichte der Philosophie für den akademischen Unterricht* [Outline of the History of Philosophy for Academic Teaching], Verl. von Joh. Ambrosius Barth, 5-te, vermehrte u. verb. Aufl., oder dritte Bearbeitung v. Amadeus Wendt, Leipzig (in German).

Zinsmeister J. Fr. X. (1781), *Canonici Spalatini De Veri Cognitione Et Ignoracione Ex S. Clemente Alexandrino Documenta Haereticorum, Et Peccatorum Materialivm Defensoribvs Praesentata Vnacvm Vindiciis Pro S. Clemente*, [Canon Spalatini On the Knowledge and Ignorance of Truth From St. Clement of Alexandria Documents Presented by the Defenders of Heretics and Material Sins in One Vindicia for St. Clement], s. I (in Latin).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Михайлов Игорь Анатольевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация; ia.mikhaylov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7750-9890

Researcher ID: I-2608-2016

ABOUT THE AUTHOR:

Igor A. Mikhaylov, Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; ia.mikhaylov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7750-9890

Researcher ID: I-2608-2016